

ИЗ ИСТОРИИ ЦИТАТ

К.В. Душенко

«ВСЕ ПОЗВОЛЕНО»

Если попросить назвать самую известную цитату из Достоевского, то первой, вероятно, будет «Красота спасет мир» (хотя мало кто может ясно сказать, что это, собственно, означает), а второй – «Если Бога нет, то все позволено».

Правда, у Достоевского этого изречения нет. Это «сводная» цитата, возникшая из двух фрагментов романа «Братья Карамазовы» (1879–1880). Первый – мысль Ивана Карамазова в пересказе одного из персонажей романа, Ракитина: «Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, все позволено» («Братья Карамазовы», I, 2, 7)¹.

Второй – слова Дмитрия Карамазова: «Только как же, спрашиваю, после того человек-то? Без Бога-то и без будущей жизни? Ведь это, стало быть, теперь все позволено, все можно делать?» И далее: «У Ивана Бога нет. <...> Я ему говорю: стало быть, все позволено, коли так?» (там же, IV, 11, 4)².

А Смердяков говорит Ивану: «...Все потому, что “все позволено”. Это вы вправду меня учили-с, ибо много вы мне тогда этого говорили: ибо коли Бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надобно ее тогда вовсе» (там же, IV, 11, 8)³.

Как видим, вопрос о бессмертии души и будущей жизни и для Ивана, и для Дмитрия Карамазова едва ли не главный, а Бог выступает в качестве гаранта этого бессмертия.

Мысль: «Нет бессмертия души, так нет и добродетели» – проведена через весь огромный роман, а потому обычно связывается с именем Достоевского. Однако сама по себе она Достоевскому

не принадлежит и, можно сказать, стара почти так же, как христианство.

Почти то же самое – и почти теми же словами – говорил уже латинский богослов III–IV вв. Лактанций в трактате «Божественные установления», II, 1: «Как скоро люди уверятся, что Бог мало о них печется и что по смерти они обратятся в ничто, то они предаются совершенно необузданности своих страстей, <...> думая, что им все позволено»⁴.

Трактат Лактанция вышел в России в 1848 г. под заглавием «Божественные наставления» в переводе Е. Карнеева; выше цитировался этот перевод. Был ли этот перевод известен Достоевскому, трудно сказать. Но изданные в 1670 г. «Мысли» Блеза Паскаля, конечно, были ему известны, а там утверждалось: «Человеческая нравственность целиком зависит от решения вопроса, бессмертна душа или нет» (пер. Э. Линецкой)⁵.

Для Достоевского (а не только для его героев) формула «Все позволено» связана не просто с неверием в Бога, но прежде всего с неверием в бессмертие души и загробное воздаяние; тут он солидарен с Лактанцием и Паскалем. Однако современник Паскаля, великий еретик Бенедикт Спиноза, решительно отрицал эту связь:

«Мы с полным правом можем считать большой нелепостью то, что говорят многие богословы, которых считают великими, а именно: если бы из любви к Богу не вытекала вечная жизнь, то каждый стал бы искать своего собственного счастья – как будто можно найти нечто лучше Бога» («Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье», II, 26; пер. под ред. А.И. Рубина)⁶. Трактат был написан в 1660 г. и опубликован полностью лишь два века спустя.

В сущности, того же мнения держались римские стоики (как, впрочем, и эпикурейцы) и множество позднейших моралистов. Загробное воздаяние не было для них аргументом в вопросах морали. Все они могли бы подписаться под словами Сенеки: «Первое и наибольшее наказание за грех – в самом грехе» («Письма к Луцилию», 97, 14, пер. С. Ошерова)⁷; «Что я хочу извлечь из добродетели? Ее саму. <...> Она сама себе награда» («О блаженной жизни», 9, 4, пер. Т. Бородай)⁸.

Молодой Оскар Уайльд писал в своих «Оксфордских тетрадах»: «Ничто так не изобличает все благородство человеческой натуры, как явное безразличие человека к любой системе наказа-

ний и поощрений, будь то на земле или на небе» (пер. Е. Осеневой)⁹.

В середине XX в. появилось изречение «Если Бог есть, все позволено», «опрокидывающее» формулу Ивана Карамазова.

Почти одновременно с «Братьями Карамазовыми» вышла знаменитая книга Ницше «Так говорил Заратустра» (1883) с ее «переоценкой всех ценностей». Здесь тень Заратустры восклицает: «“Нет истины, все позволено” – так убеждала я себя» (разд. IV, «Тень»; пер. Ю. Антоновского)¹⁰.

В книге Ницше «К генеалогии морали» (1884), III, 24, изречение «Ничего истинного, и все позволено» приведено как тайный девиз средневекового мусульманского ордена ассасинов¹¹. Благодаря Ницше эта версия ныне является общепринятой.

На 30 с лишним лет раньше ту же версию изложил прусский генерал и политик-консерватор Йозеф фон Радовиц в IV издании своих «Злободневных бесед о государстве и церкви» (1851), гл. 6. Изречение «Нет ничего истинного, и все позволено» («Nichts ist wahr und Alles ist erlaubt») он привел как девиз Хасана ибн Саббаха (1051–1124), персидского исмаилита, основателя и главы (шейха) секты хашашинов (ассасинов)¹². Эта секта прославилась политическими убийствами. Однако девиз, означавший отрицание Корана как вместилища божественной истины, был совершенно невозможен в устах мусульманского вероучителя. Уж скорее он мог бы сказать: «Все позволено тому, кто обладает абсолютной истиной».

Заметим, что в I издании «Злободневных бесед...» (1846) этого изречения нет. Зато мы встречаем его в протоколах заседаний представителей швейцарских катонов 1847 г.: «Положение: “Нет ничего истинного, и все позволено” до сих пор считалось принципом системы радикализма»¹³.

В XX в. формула «Все позволено» шагнула из философии и литературы в политику. 8 августа 1918 г. в Киеве вышел первый номер газеты «Красный меч» – орган политотдела Всеукраинской чрезвычайной комиссии. Здесь заявлялось:

«У нас новая мораль, наша гуманность абсолютна, ибо в основе ее славные идеалы разрушения всякого насилия и гнета. Нам все позволено, ибо мы первые в мире подняли меч не ради закрепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства»¹⁴.

Персонажи «Бесов» Достоевского считают, что им все позволено, потому что нет ни Бога, ни загробного воздаяния. Нынешние приверженцы «славных идеалов разрушения», именующие себя «Исламским государством», верят в загробное воздаяние и считают, что им все позволено, поскольку они – орудие Бога.

¹ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л., 1975. С. 76.

² Указ. соч. Т. 15. Л., 1976. С. 32.

³ Там же. С. 67.

⁴ Лактанций. Творения. СПб., 1848. Ч. 1. С. 100.

⁵ Паскаль Б. Мысли. СПб., 1999. С. 152–153.

⁶ Спиноза Б. Сочинения: в 2 т. СПб., 2006. Т. 1. С. 17.

⁷ Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 244.

⁸ Сенека. Философские трактаты. М., 2000. С. 20.

⁹ Уайльд О. Портрет господина У.Г.; Рассказы; Заметки и колонки; Оксфордский дневник. М., 2011. С. 494.

¹⁰ Ницше Ф. Собрание сочинений: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 197.

¹¹ Там же. С. 197, 515.

¹² Radowitz J. von. Gespräche aus der Gegenwart über Staat und Kirche. Stuttgart, 1851. S. 101.

¹³ Abschied der ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung des Jahres 1847. [S. l., 1847?]. Bd. 1. S. 235 (1-я pag.).

¹⁴ Цит. по: ЧЕ-КА: Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 15.